

DOI: 10.31862/0130-3414-2022-5-25-39

В.И. КоровинМосковский педагогический государственный университет,
119435 г. Москва, Российская Федерация

«Стрекоза и Муравей»: краткая история басни от Эзопа до Крылова

Аннотация. Автором рассматривается история басни «Стрекоза и Муравей» на античный сюжет, получивший художественную реализацию в творчестве многих авторов от Эзопа до Крылова и прошедший ряд стадий в его истолковании европейскими и русскими баснописцами. С этой целью в статье прослеживаются два основных момента: соответствие или несоответствие басенных персонажей-насекомых их биологической природе в связи с национальными традициями и соотношением, условно говоря, народного и гуманистического взглядов, которые проявились как в самих баснях, так и в их аналитическом рассмотрении критикой и литературоведением. Европейская история басни рассмотрена через обращение к текстам Эзопа и Бабрия, комментарии к ним М.Л. Гаспарова и В.Г. Гака. Новый этап жизни басенного сюжета начался с создания басни Ж. Лафонтена «Цикада и Муравьяха», которая получила многочисленные отзывы литераторов и энтомологов, полемически заостренные новые варианты произведений на идущий от античных авторов сюжет. Первые переводы басни в России известны с XVII в. Наиболее активно к сюжету известной басни обращались русские поэты XVIII в. (А.П. Сумароков, И.И. Хемницер, Ю.А. Нелединский-Мелецкий). Анализируя текст басни И.А. Крылова «Стрекоза и Муравей», автор статьи аргументированно доказывает, что русский баснописец создает не вольный стихотворный перевод басни известного французского поэта, а оригинальное произведение, давая собственно русскую национальную трактовку сюжета, а главное – утверждая народную, «мужицкую» мораль басни.

Ключевые слова: басня, история басни, этимология, энтомология, биологические и иные особенности персонажей, традиции в обрисовке насекомых, народная мораль, «мужицкий» взгляд на нравственность

ССЫЛКА НА СТАТЬЮ: Коровин В.И. «Стрекоза и Муравей»: краткая история басни от Эзопа до Крылова // Литература в школе. 2022. № 5. С. 25–39.
DOI: 10.31862/0130-3414-2022-5-25-39

DOI: 10.31862/0130-3414-2022-5-25-39

V.I. Korovin Moscow Pedagogical State University,
Moscow, 119435, Russian Federation

“The Dragonfly and the Ant”: A brief history of the fable from Aesop to Krylov

Abstract. The article examines the history of the fable “Dragonfly and Ant” on an ancient plot, which has received artistic realization in the works of many authors from Aesop to Krylov and has passed a number of stages in its interpretation by European and Russian fabulists. In this regard, the article traces two main points: the correspondence or inconsistency of the fable insect characters to their biological nature in connection with national traditions and the correlation, relatively speaking, of folk and humanistic views, which manifested themselves both in the fables themselves and in their analytical consideration by criticism and literary criticism. The European history of the fable is considered through an appeal to the texts of Aesop and Babri, comments on them by M.L. Gasparov and V.G. Gak. A new stage in the life of the fable plot began with the creation of J. Lafontaine’s fable “The Cicada and the Ant”, which received numerous reviews from writers and entomologists, polemically pointed new versions of works on the plot coming from ancient authors. The first translations of the fable in Russia have been known since the XVIIth century. The most active period when Russian poets addressed the plot of the famous fable was that of the XVIIIth century (A.P. Sumarokov, I.I. Chemnitzner, Yu.A. Neledinsky-Meletsky). Analyzing the text of I.A. Krylov’s fable “The Dragonfly and the Ant”, the author of the article proves that the Russian fabulist does not create a free verse translation of the fable of a famous French poet, but an original work, giving a proper Russian national interpretation of the plot, and most importantly – asserting the folk, “peasant” morality of the fable.

Key words: fable, history of fables, etymology, entomology, biological and other features of characters, traditions in the depiction of insects, folk moral, a “peasant” view on morality

CITATION: Korovin V.I. “The Dragonfly and the Ant”: A brief history of the fable from Aesop to Krylov. *Literature at School*. 2022. No. 5. Pp. 25–39. (In Rus.). DOI: 10.31862/0130-3414-2022-5-25-39

Басня «Стрекоза и Муравей» имеет давнюю европейскую и русскую историю. Начало жизни и бытования

известнейшего произведения положили античные баснописцы Эзоп и Бабрий.

В России сюжет был известен с давних пор. Первые переводы знаменитой истории известны с XVII в. Например, в учебной книге, изданной в 1699 г., и в рукописи 1712 г.: «Зрелише жития человеческого различных животных притчами, и старожитных людей примерами, всякому добрых нравов в научение, предоставлено»: «Прииде в зиму сверчок ко мравию и рече: “Се ныне наста время зимы, аз же не имат что ясти, зане в лете питахся различными овощми. Дадите мне от жите вашего да гладом не погибну”» [5, с. 101].

Басня Эзопа называется «Муравей и жук»: «В летнюю пору гулял муравей по пашне и собирал по зернышку пшеницу и ячмень, чтобы запастись кормом на зиму. Увидал его жук и посочувствовал, что ему приходится так трудиться даже в такое время года, когда все остальные животные отдыхают от тягот и предаются праздности. Промолчал тогда муравей; но когда пришла зима и навоз дождями размыло, остался жук голодным, и пришел он попросить у муравья корму. Сказал муравей: “Эх, жук, кабы ты тогда работал, когда меня трудом попрекал, не пришлось бы тебе теперь сидеть без корму”».

Так люди в достатке не задумываются о будущем, а при перемене обстоятельств терпят жестокие бедствия» [3, с. 96–97].

Тут обращает на себя внимание одна деталь: жук посочувствовал муравью в том, что тому приходится много трудиться в то время, когда все отдыхают и предаются развлечениям и праздности. А муравей воспринял сочувствие как упрек. Так что сочувствие жука выглядит иронической насмешкой. У Эзопа персонажи оцениваются противоположно: муравей – положительный персонаж, жук – отрицательный.

М.Л. Гаспаров сообщает: «В конце ряда рукописей старшей редакции приложен другой вариант этой басни, ставший классическим и перешедший в младшую редакцию и школьные сборники: “Муравей и цикада. Стужа стояла, и ненастье сошло с Олимпа. Но муравей еще в пору жатвы собрал в своем жилище богатые запасы. А цикада забилась в щель и едва дышала, изнемогая от голода, жажды и сильной стужи. И попросила она у муравья поесть: довольно пшеничного зернышка, и она будет спасена. “Где же ты была летом? – спросил муравей. – Почему ты не запасла корму в жатву?” Ответила цикада: “А я пела и веселила прохожих”. С громким смехом сказал муравей: “Ну, так попляши зимою”. – Учит нас басня, что самое главное – заботиться о насущной пище, а не тратить время на забавы и гулянья”. Из этой редакции мотив сочувствия устранен, а басня получила другое название: жук был заменен цикадой. Уже в латинском языке оба слова – цикада и муравей – женского рода. В дальнейшем в басне все более пространной становилась экспозиция. Например: “В летнюю пору в свежей листе деревьев резвилась цикада, звонко распевая и наслаждаясь звуком собственного сладостного пенья. Муравей тоже был среди тех, кто радовался лету, но трудился он все время возле гумна и пищу свою укрывал в недра земли, ибо был муравей предусмотрительнее цикады. Но вот отступило пред северными ветрами солнце, отошла осень, землю сковала зима, море нарушило покой летнего безветрия, пловцы стали укрываться в спасительные гавани, селянин – в теплую хижину, а муравей – в расщелины земли...”» [3, с. 286].

Замена жука цикадой связана как с биологическими и культурными особенностями, так и с чисто языковыми, причем язык играет тут особую роль. В.Г. Гак предполагает, что «замена жука цикадой объясняется, возможно, наблюдательностью простых людей, заметивших особенности жизни этих насекомых. Жук оказался непредусмотрительным, но вообще-то он далеко не бездельник: люди видели, с каким упорством жуки-навозники скатывали свои шары. Но люди не видели, как цикада добывает себе пищу... Они замечали лишь, что в летнюю жару это насекомое весь день *сидит* на ветке, стрекочет, так что создавалось впечатление, что оно ничего не делает, даже не ищет пропитания, тогда как поиски пищи – основное занятие всякого животного. Цикада оказалась “удобным” объектом для персонификации непредусмотрительности, беззаботности» [9, с. 54–61].

Существует и легендарная версия, встречаемая в «Илиаде» Гомера и удостоенная внимания Платона в диалоге «Федр». Сократ рассказывает Платону, не слыхавшему о том, какой дар получили цикады от муз: «Непристойно мужу, муз любящему, не слышать об этом! Есть предание, что цикады до появления муз, были некогда людьми. Когда родились музы и появилось пение, некоторые из тогдашних людей от удовольствия пришли в такое изумление, что все время пели, пренебрегали пищею и питьем и незаметно для самих себя умерли. От этих-то людей и произошли затем цикады. Они получили от муз такой дар, что, родившись, вовсе не нуждаются в питании, но без пищи, без питья, тотчас начинают петь и все поют, пока не умрут. А после того, придя к музам, цикады возвещают

им, кто из здешних людей и какую музу почитает» [14, с. 139–140].

Следовательно, цикады, по преданию, обречены петь и не должны пить и есть, а муравей (муравьиха), не сочувствующий горю цикады и тем более издевательски относящийся к ней, нарушает волю муз.

Однако при всех изменениях «урок» басни оставался неизменным: муравей был предусмотрительным тружеником, цикада – легкомысленной и беспечной любительницей песен, плясок и развлечений.

Бабрий уже пользуется не старшей, а младшей редакцией басни, о чем свидетельствует название «Муравей и цикада», и переводит басню стихами (воспроизводим текст, приведенный М.Л. Гаспаровым):

Нес муравей сушить за свой порог зерна,
Которые он на зиму запас с лета.
Голодная цикада подошла близко
И попросила, чтоб не умереть, корму.
«Но чем же занималась ты, скажи,
летом?» –
«Я, не лентясь, все лето напролет пела».
Расхохотался муравей и хлеб спрятал:
«Ты летом пела, так зимой
пляши в стужу».
(Заботиться важнее о своей пользе,
Чем негой и пирами улаждать душу.)
[3, с. 399]

У Бабрия оценки персонажей смягчены: цикада несчастна. Она попала в беду по своей вине, но вина ее не столь велика – она всего лишь любит веселиться и за весельем не позаботилась о себе. Муравей же, отказывая в помощи при столь печальных обстоятельствах, не только скуп, но еще злой насмешник, ибо смеется над голодной цикадой. Уже в басне Бабрия намечена некоторая переоценка персонажей по сравнению с басней Эзопа.

Новую жизнь басне дал Жан Лафонтен. Вот прозаический перевод его басни “La Cigale et la Fourmi” – «Цикада и Муравья» («Кузнечик и Муравей»): «Цикада, пропевши все лето, осталась без запаса, когда настала зима: ни от мухи, ни от червяка ни крошки; пошла она к соседке – Муравьяхе (или мамаше Муравья) и, жалуясь на голод, просит одолжить несколько зерен, чтобы прожить до новой весны. “До августа заплачу, – говорит она, – право, отдам и долг, и рост”. Муравьяха не податлива была на суду; за ней этого греха почти не водится. “Что же ты делала в теплое время?” – сказала она заемщице. “День и ночь, признаться, пела для всякого встречного”. – “Ты пела – очень рада, ну, так теперь пляши!”» (<https://poezia.ru/works/115420>).

В басне Лафонтена уже намечен конфликт: хотя Цикада и виновата, но вина ее меньше, чем Муравья, который изображен скупым и жестоким. Цикада представлена заемщицей, попавшей в беду. Так как слова «цикада» (*la cigale*) и «муравей» (*la fourmi*) во французском языке женского рода, то у Лафонтена возникает разговор двух дам-соседок. Отмечено, что французские художники, иллюстрируя басню, нередко изображают двух беседующих женщин: Муравьяха предстает домовитой хозяйкой, а Цикада – молодой женщиной с гитарой и в шали. Например, у Г. Доре Муравьяха выглядит гордой, знающей себе цену, твердо и прямо стоящей у порога своего дома, тогда как Цикада едва держится на согнутых ногах, обдуваемая холодным ветром в легкомысленной и одновременно просительной позе. Ясно видно, что одна имеет достаток, а другая бедна. Это отношения двух соседок, находящихся в разном

социальном и материальном положении.

Одна из них (Цикада) просит помощи на время, чтобы не умереть с голода, и обещает выплатить долг и проценты, прибавляя при этом: «даю слово животного» (Лафонтен тут, конечно, иронизирует, шуточно переделывая характерное выражение; в переводе: «слово честного человека»; ср. также: «даю честное слово дворянина»). Другая (Муравьяха) «не любит давать в долг, такого недостатка у нее нет». По трактовке французского комментатора, которую приводит В.Г. Гак, «Лафонтен здесь говорит, как могла бы сказать скупая Муравьяха, в глазах которой давать в долг – недостаток. Она менее всего может упрекнуть себя в этом недостатке» [9, с. 54–63]. Но тут есть и другой смысл: Муравьяха не только не любит давать в долг, она плохо относится и к тем, кто просит в долг. У нее нет недостатка в неприязни к просителям. Отказывая заемщице в суду, она поступает дурно, и потому достойна осуждения. Лафонтен, не снимая вины с Цикады, основной виновницей дела делает Муравьяху, изображая ее бесчувственной скупердяжкой и скопидомкой.

В целом отношения между двумя женщинами-соседками – совсем не близкие, отдаленные, официальные.

В связи с тем, что в баснях изображаются животные, неизменно встает проблема их «очеловечения» и соблюдения биологической точности. Применительно к басне «Стрекоза и Муравей» она особенно остра вследствие различия названия насекомых в разных языках и принадлежности к разному полу. Хотя животные не могут и не должны описываться с предельной биологической

точностью, поскольку они достаточно условны, грубое нарушение примет и повадок их расценивается как художественный недостаток. Считается, что в античных баснях биологическая точность соблюдается строже, чем в баснях последующих времен. Например, жук в басне Эзопа (старшая редакция) питается навозом. Когда пришли дожди, то навоз размыло, и жук, не позаботившийся раньше о пище, остался голодным. Тут все правильно и мотивировано. Но уже в младшей редакции цикада попросила у муравья пшеничного зернышка. Однако цикада не питается зернами. Лафонтен пошел еще дальше: он сделал цикаду хищным насекомым, которое просит у Муравьишки мушки или червячка. Но цикада их не ест.

Французский ученый-энтомолог Ж.А. Фабр посвятил статью басне Лафонтена «Цикада и Муравьишка», в которой упрекнул Лафонтена в оплошности: «На всю жизнь мы сохраняем в памяти грубые нелепицы, из которых соткана вся эта басня, – пишет Фабр о басне Лафонтена. – Цикада в нашем представлении всегда будет страдать от голода с наступлением зимы, в то время как зимой и совсем нет цикад; она всегда будет выпрашивать у Муравья несколько зерен – пищу, которая совсем недоступна для ее нежного хоботка (цикада питается соком, добываемым из веток деревьев. – В.К.); умоляя о милостыне, она будет просить хотя бы мух и червячков, которых никогда не едят цикады». И далее: «Наблюдение опровергает все нелепые выдумки баснописца. Что Цикада и Муравей встречаются – это верно. Только в этих встречах – как раз обратное тому, о чем говорится в басне. Никогда не приходит Цикада к Муравью, потому что ей никог-

да ни от кого не нужно помощи. Зато Муравей – грабитель и эксплуататор, который тащит в свои закрома все съедобное, – этот грабитель приходит к Цикаде. Он, Муравей, приходит к Цикаде, но он не просит, а попросту отбирает добытое ею добро». Далее Фабр рассказывает, как совершается грабеж: «В июле, в душливые послеобеденные часы, когда насекомые напрасно ищут отдыха и прохлады на увядших, поблекших цветах, – в эту пору торжествует цикада. Усевшись на ветке, ни на миг не прекращая песни, она сверлит своим тонким хоботком кору. Потом долго сосет из этой скважины вкусный сок, наслаждаясь чудесным сиропом и собственной песней». Однако вокруг бродит много врагов. Они замечают отверстие, проделанное цикадой, приникают к нему и сначала «довольствуются излишками – капельками сиропа, которые сочатся из ранки в коре». Их много, но главные потребители – муравьи. Они самые дерзкие из всех. Эти незваные гости «устремляются к сладкому ручейку». Чтобы добраться до него они заползают под брюшко цикады, которая приподнимается на ножках и пропускает их. Но гости хотят отогнать цикаду «от созданного ею источника». Особенно усердствуют муравьи: они, по наблюдениям Фабра, то «покусывают лапки цикады», то «тянут ее за крыло», то «взбираются ей на спину» и даже хватают ее за хоботок и пытаются «выдернуть его из колодца». Наконец, они добиваются того, что цикада улетает, оставляя им свою скважину.

Этот рассказ Фабра опровергает рассказ басни: тружеником, готовым поделиться пищей с муравьем, в реальности является цикада, муравей же – побирушкой, разбойником и грабителем. На этом роковая

встреча цикады с муравьем не заканчивается. Вскоре, когда пройдет пять-шесть недель сытой и песенной жизни, цикада умрет, а муравей, набредя «на роскошную добычу, раскроит, рассечет, искрошит ее и пополнит кусочками свои запасы». Фабр видел муравьев, рвавших их на части и спешивших «поживиться находкой». Таковы, заключает Фабр, «отношения между Цикадой и Муравьем» [16, с. 333–336]. В опровержение басни Лафонтена он даже сочинил собственную длинную басню.

Что же касается песен цикад, то поют только самцы, радуясь короткой жизни. И в этом, оказывается, Лафонтен неправ: цикада-самка не могла петь.

В биологической жизни насекомых, наверное, все так и есть, как описал знаменитый Фабр. Оправданием Лафонтена служит все-таки народное восприятие, не погруженное в тайны бытия насекомых. Оно судит о них по внешним приметам. Наблюдая за муравьями, люди видели, что они постоянно трудятся, снуют туда и сюда, строят дом-муравейник, таскают на себе посильный «строительный материал».

В России басню Лафонтена переводили многие баснописцы. Но с переводом возникали трудности: в России слово «муравей» мужского рода, цикады встречаются только на юге, а на севере и в средней полосе летом обитают стрекозы. Поэтому уже А.П. Сумароков вместо цикады выбрал другого насекомого женского рода – стрекозу. Можно было бы обойтись кузнечиком, но слово «кузнечик» мужского рода. Пришлось довольствоваться стрекозой. Так и назвал он свою басню – «Стрекоза». В ней Сумароков вывел Стрекозу нищенкой-попрошайкой:

В зимне время подаянья
Просит жалко Стрекоза,
И заплаканны глаза
Тяжкого ее страданья
Представляют вид.
Муравейник посещает,
Люту горесть извещает...

По глупости своей летом она «вспевала день и ночь» и обнищала. Муравей не сжалился над ее горем, а ответил резко и грубо:

Коль такое ваше племя,
Так лети отсель ты прочь:
Поплясати время.

[15]

Судьба Стрекозы не трогает Муравья, который холоден к чужой беде.

Иначе отнесся к печальной судьбе Стрекозы в одноименной басне И.И. Хемницер:

Все лето стрекоза в то только и жила,
Что пела;
А как зима пришла,
Так хлеба ничего в запасе не имела.
И просит муравья: «Помилуй, муравей,
Не дай пропасть мне в крайности моей:
Нет хлеба ни зерна, и как мне быть,
не знаю.
Не можешь ли меня хоть чем-нибудь
ссудить,
Чтоб уж хоть кое-как до лета мне дожить?
А лето как придет, я, право, обещаю
Тебе все вдвое заплатить».
«Да как же целое ты лето
Ничем не запаслась?» –

ей муравей на это.
«Так, виновата в том; да что уж,
не взыщи
Я запастися все хотела,
Да лето целое пропела».
«Пропела? Хорошо! поди ж теперь
свищи».

Но это только в поученье
Ей муравей сказал,
А сам на прокормленье
Из жалости ей хлеба дал.

[17, с. 96]

Хемницер, сохранив некоторые детали басни Лафонтена (просьба ссудить до лета и обещание заплатить вдвое), внес новые мотивы (стрекоза винит себя в том, что не запаслась на зиму) и отступил от подлинника. Он нашел, что мораль басни не совпадает с нормой нравственности: муравей должен помочь стрекозе, потому что нельзя оставлять в беде виновного, но заслуживающего прощения. Изложив сюжет, он закончил басню так:

«Пропела? Хорошо! Поди ж теперь
свищи».

Но это только в поученье
Ей муравей сказал,
А сам на прокормленье
Из жалости ей хлеба дал.

[Там же]

Последние четыре строки затем были сняты и вновь появились только в издании Я.К. Грота [10].

Попытку передать басню Лафонтена сделал и трагик В.А. Озеров. Он написал басню «Кузнечик»:

Кузнечик ветренный, про стужу позабыв,
Все красны дни пропел среди веселых нив,
Как вдруг зима: не стало в поле крошки,
Ни червячков, ни мушечек, ни мошки,
Чем душу пропитать.

Пришлось умереть иль где взаймы искать.
Кузнечик к Муравью, ближайшему соседу,
Явился к самому обеду:

«Почтенный Муравей, премудрый сын
земли,

Запаса твоего частичку удели!

Я уверяю клятвой,

Что с ростом все отдам пред будущею
жатвой!»

Но Муравей довольно всем знаком:

Великий скопидом,

Ни зернышка он даром не погубит,

Охотник собирать, а раздавать не любит.

«Да как же заpastись ты в лето

не успел?» –

Спросил Кузнечика капиталист нечивый.

«Я, малым быв счастливый,
И день и ночь напевы пел
Всем встречным
И поперечным,
Не чаяв летним дням конца».

«Так ты, голубчик, пел?

Пляши же голубца!»

[13, с. 5]

Опираясь на сюжет Лафонтена, Озеров значительно отступил от него (вместо двух женских персонажей у него появилось два мужских) и от традиции, сложившейся в России (Стрекозу заменил Кузнечиком). Кузнечик изображен ветренным и легкомысленным, а Муравей – солидным и скупым «капиталистом», к которому Кузнечик обращается как к лицу неравному ни по положению, ни по состоянию («Почтенный Муравей, премудрый сын земли...»). Вместе с тем Озеров вводит в перевод русские реалии – народную пляску «голубец», изображающую погоню ястреба за голубями. Кроме того, он нарочито сталкивает новые понятия с устаревшими, выходящими из употребления: «капиталист нечивый» (т.е. капиталист скупой). Тем самым он отходит от практики басенного языка, близкого к разговорной речи (см. также: «Я, малым быв счастливый...»).

Наиболее близко к источнику перевел басню Ю.А. Нелединский-Мелецкий («Стрекоза»), усилив осуждение Муравья:

Лето целое жужжала

Стрекоза, не знав забот;

А зима когда настала,

Так и нечего взять в рот.

Нет в запасе, нет ни крошки,

Нет ни червячка, ни мошки.

Что ж? К соседу муравью

Вздумала идти с прошеньем.

Рассказав напасть свою,

Так, как должно, с умилением

Просит, чтоб займы ей дал
Чем до лета прокормиться.
Совестью притом божится,
Что и рост, и капитал
Возвратит она не дале,
Как лишь августа в начале.
Туго муравей ссужал:
Скупость в нем порок природный.
«А как в поле хлеб стоял,
Что ж ты делала?» – сказал
Он заемщице голодной.
«Днем и ночью, без души,
Пела все я цело лето».
«Пела! весело и это.
Ну поди ж теперь пляши».

[12, с. 195]

Нелединский-Мелецкий сохраняет основные мотивы и детали басни Лафонтена: Стрекоза и Муравей – соседи, но при этом не отступает и от русской традиции: у него действуют мужской и женский персонажи. Это имеет важное значение для усиления вины Муравья в духе басни Лафонтена, поскольку мужчина отказывает женщине. Слово «вздумала» предвосхищает финал прошения Стрекозы, которая напрасно надеется на помощь Муравья. В соответствии с басней Лафонтена употреблено и слово «умиленье», так как передает вынужденное унижение заемщицы. Баснописец удерживает и такие детали, как обещание Стрекозы возвратит в августе «и рост, и капитал», усиленное выражением рассказчика «Совестью притом божится...»; столь же удачно передан и характер Муравья: «Туго муравей ссужал: / Скупость в нем порок природный». Тем самым Нелединский-Мелецкий внимателен к замыслу и его воплощению в басне Лафонтена. В его басне стрекоза – заемщица, униженная просительница, попавшая в беду по своей не очень значительной вине, но не жалкая попрошайка, а муравей – сквалыга, скупец и ханжа, кото-

рый не только не оказывает помощи, но еще и склонен к поучениям.

Крылов совершенно иначе понимает персонажей. В обработке сюжета он следует Эзопу и Лафонтену, основываясь на басне которого «Цикада и Муравьях» (другой перевод – «Муравей и Кузнечик»), теоретик литературы и искусства аббат Ш. Баттё писал в своем труде «Начальные правила словесности», что «праздность доводит до бедности и делает нас более достойными презрения, нежели сожаления» [4, т. 1, с. 34–35]. Другое толкование сюжета басни «Муравей и жук» Эзопа предложено В.Ф. Кеневичем: «Баснь учит нас не лениться в приобретений нужного, но заблаговременно заботиться о необходимом для сохранения жизни» [6, с. 41]. У Крылова Стрекоза – попрыгунья, которая не трудилась, а «лето красное пропела». Пожалуй, единственный раз Крылов использовал плясовой ритм – четырехстопный хорей, столь подходящий к сюжету басни, к характеристической черте Стрекозы («попрыгунья») и оправдывающий заключительный стих («Так поди же, попляши!»). Праздность и удовольствия вскружили Стрекозе голову. Она очень напоминает тех модниц, о которых Крылов писал в комедии «Урок дочкам». Стрекоза изображена беспечной и ветреной тунеядкой. И это становится главной причиной, разделяющей Стрекозу и Муравья, который говорит:

Кумушка, мне странно это:
Да работала ль ты в лето?

Муравей – труженик, и ему ненавистны тунеядство, безделье, легкомыслие и беспечность. Крылов подчеркнул противоположность трудовой жизни и веселящегося пустого безделья. Он решительно отбросил всякие

сентименты и встал на сторону Муравья, его трудовой морали. Помощь может быть оказана только тому, кто сам трудился, но по каким-то не зависящим от него причинам испытал нужду. Например, в басне «Крестьянин в беде» Крылов острие сатиры направляет как раз на тех, кто звался родней и друзьями, и кто уклонился от помощи после того, как вор обчистил дом Крестьянина. Каждый подает совет, рассуждает «умно», но «делом ни один бедняжке не помог». Крыловский Крестьянин попал в беду не из-за лени, а из-за несчастного случая. Следовательно, Крылов знает цену сочувствия и поддержки в трудную минуту. Тут он также следует народной мудрости, легкой в основу общечеловеческих представлений. Но к Стрекозе это не относится, и потому из басни устранены мотивы жалости, снисходительности. Крылову чужда мораль, которая, порицая Стрекозу за ветренность и праздность, в то же время щадила ее.

Довольно типично восприятие крыловской басни романтиком В.Ф. Одоевским. Приведя басню в повести «Косморама», писатель не вполне удовлетворен моралью: Муравей, по его мнению, должен был помочь Стрекозе, а не отталкивать ее, погибающую в нужде. Сомнение в правильном понимании детьми басни высказывали и педагоги: «Вы читаете детям, – писал Н.Ф. Бунаков в статье “Басни Крылова как нравственно-педагогический материал”, – басню “Стрекоза и Муравей”, предполагая вызвать в них сознание, как печальны последствия праздной жизни, но можете ли вы ручаться, что ребенок не обратит внимания на совершенно иную сторону басни, что слова Муравья: “так поди же попляши” не сделаются его обыкно-

венной аргументацией в применении ко всякому, нуждающемуся в помощи?» [7, с. 321].

В более близкое к нам время похожую точку зрения высказал в шутовском рассказе «Люся и дедушка Крылов» Саша Черный («Румяная книжка»). Писатель вообразил разговор Люси с Крыловым о разных баснях, в том числе и о басне «Стрекоза и Муравей». Девочка Люся упрекает «дедушку Крылова»: «Потом – про стрекозу и муравья. Муравей, по-моему, безжалостный грубиян. Что же такое, что “стрекоза лето целое пропела”? И соловьи поют, – не поступать же им в шоферы на самом деле... Почему он стрекозу прогнал и еще танцевать ее заставляет? Я тоже танцую, дедушка... и когда вырасту, буду такая же знаменитая, как Анна Павлова! Что ж тут плохого? Ненавижу вашего муравья!..» На это милое заступничество доброй Люси Крылов отвечает: «И танцуй, дружок, на здоровье. Я тоже муравья не совсем одобряю. И даже думаю, что, когда он стрекозу прогнал, – ему стало стыдно... Побежал он за ней, вернул, накормил и приютил у себя до весны...» Слова Крылова пришлись Люсе по душе: «В самом деле? – обрадовалась Люся. – Значит, и мораль тогда другая будет: “Бывают иногда муравьи, у которых доброе сердце”. Вот хорошо!..» [18, с. 363].

Здесь характерно столкновение гуманистической и народной, «мужицкой» точек зрения. Совершенно очевидно, что во времена Крылова они не совпадали, и гуманистический взгляд не стал еще народным, а «мужицкий» – гуманистическим. Это не означает, что каждый из них не заключал в себе частицы истины и выступал не- или антигуманистическим, либо не- или антинародным.

Человечность и народность пока представляли в ограниченной форме, и слияния их в одну правду не произошло. Впоследствии они заметно сблизились, но для Крылова такое разрешение конфликта в духе единства двух «правд» или победы гуманистической, личной морали над народной, «мужицкой» невозможно, ибо народная мудрость исключает прощение тех, кто виноват по своей воле. Народная и гуманистическая правды расходятся и, несмотря на то что в каждой из них есть своя человечность, оказываются несовместимыми.

Поскольку народная мораль считает труд основой жизни и благополучия, то попрыгунье Стрекозе она отказывает в сочувствии. И этот закон справедлив. Здесь отчетливо видна противоположность между искусственной, ложной жизнью и естественной, наполненной трудом. Однако трезвая мораль басни действительно только для случаев «чистой», прямой антитезы, где труду противостоят безделье, вызванное ленью, беспечностью, легкомыслием или другими причинами, которые баснописец в духе народа воспринимает и оценивает порочными. Крылов как бы обнажает конфликт и не осложняет басню побочными чувствами, которые волновали других баснописцев (жалость, скупость).

С такой точки зрения басню Крылова нельзя считать переводом басни Лафонтена, хотя русский баснописец сохраняет ритмический облик стиха, свойственный басне французского автора. Крылову мир представляется более суровым, чем Лафонтену, но в этой суровости есть справедливость. Баснописец всецело обвиняет Стрекозу и оправдывает Муравья. Он в духе русской традиции осужда-

ет бесцельное и пустое веселье, беспечную трату времени в свое удовольствие, которые оборачиваются бедностью, нищетой и попрошайничеством, намерением жить за чужой счет, не прилагая труда. И тут для Крылова, как и для народа, не имеет значения, кто беспечен и беззаботлив, – мужчина или женщина.

Если в басне Лафонтена изображены две соседки, отношения которых формальны, то в басне Крылова Стрекоза и Муравей – не соседи, а близкие люди, крестные отец и мать, состоящие в духовном родстве. Стрекоза обращается к Муравью: «Не оставь меня, кум милой...», а Муравей отвечает ей: «Кумушка, мне странно это...». И просит Стрекоза не заем, а кров и пропитание: «И до вешних только дней / Прокорми и обогрей!» С наступлением весны она опять найдет под каждым листком «и стол, и дом». Стрекоза просит взять ее с осени до весны на хлебницею, а потом ситуация, возможно, повторится. Муравью, привыкшему к постоянному труду, такой образ жизни Стрекозы странен: «Да работала ль ты в лето?» На этот вопрос Стрекоза отвечает откровенно и даже с удивлением, не понимая, как можно работать летом, когда «В мягких муравах у нас / Песни, резвость всякой час...», когда поневоле «голову вскружило». Стрекозу увлекли развлечения, веселая и беззаботная праздность: «Я без души / Лето целое все пела». Увлекли настолько, что она пела «без души», забыв все на свете, не испытывая чувств, отдаваясь власти инстинктов, теша свое самолюбие и никому, даже себе, не принося пользы. Услышав этот ответ, Муравей иронически замечает: «...это дело...».

В пользу такой трактовки и в пользу Крылова свидетельствует следующее соображение. Муравей употребил

слово «работала», а Стрекоза признала, что не работала. И в самом деле слово «работа» народ относил к трудной и тяжелой физической работе, а песни и пляски «работой» и «делом» не считал. Это представление сохранилось в народе и по сию пору: писатель В.П. Астафьев рассказывал, что как-то к нему пришли мужики поговорить и посоветоваться, а он был занят писательским трудом, не хотел отрываться и сказал им, что работает. На это мужики иронично и недоуменно возразили: мол, какая же это работа, нашел работу пером водить. Поскольку Крылов употребил слово «работала» в народном смысле, то все рассуждения о проявлении гуманных чувств со стороны баснописцев и девочки Люси выступают книжными, умозрительными и неестественными.

Таким образом, при осмыслении сюжета вряд ли можно говорить о переводе Крыловым басни Лафонтена: наш баснописец строил собственный сюжет и сознательно заменил женскую пару смешанной (по мнению некоторых филологов, он должен был перевести «la cigale» русским словом «кузнечик»). Если бы он вместо «стрекозы» вывел «кузнечика», то появилось бы два мужских персонажа, и это также было бы отступлением от сюжета Лафонтена. В сюжете Крылова появились мужской и женский персонажи, противопоставленные друг другу, и конфликт между ними расширился, стал острее и игривее: с одной стороны, кокетливая, веселая, беззаботная женщина-бездельница, обреченная на голод и холод из-за своей беспечности, а с другой – простой и деловитый мужчина, хозяйственный и трудолюбивый. Его речь не выдает в нем ни грубияна, ни жадного скопидома. Он обращается к куме учти-

во, немножко насмешливо, но даже ласково («кумушка»). Свое недоумение со случившейся с кумой бедой он высказывает вежливо («мне странно это»). Тут нет намека на какую-либо неприязнь. Он лишь хочет выяснить, почему женщина оказалась столь несчастной. И только узнав, что она все лето ничего не делала, а только резвилась, он допускает осуждающую иронию и отказывает в помощи, потому что в нем говорит здравый мужицкий ум – женщина-резвушка неисправима, и никакое сочувствие не уничтожит ее пороки. В басне, стало быть, сталкиваются два образа жизни. На одном полюсе – труд, достаток и польза, на другом – беспечное и бесполезное веселье, ведущее к нищете. Именно с бедственного положения Стрекозы начинается повествование, легкий плясовой ритм которого контрастен содержанию. В самом языке басни много разговорных и народных речений, свидетельствующих о важности народного взгляда на старинный сюжет («Попрыгунья Стрекоза», «лето красное», «Оглянуться не успела», «зима катит в глаза», «чисто поле», «И кому же в ум пойдет / На желудок петь голодный!», «злой тоской», «В мягких муравах», «голову вскружило», «без души») и вошедших впоследствии в живой язык («Ты все пела? это дело: / Так поди же, попляши!»).

Выдавая басню за перевод басни Лафонтена (даже не за вольное переложение), многие писавшие о ней предъявляли Крылову претензии, которые он не заслужил и которые били и бьют мимо цели. Конечно, сюжет у Лафонтена и Крылова один, но басня Крылова, повторим еще раз, – не перевод басни Лафонтена, а самостоятельное, оригинальное сочинение на ту же тему. Здесь опять

речь идет о неточности в энтомологическом и биологическом смыслах. Такая неточность есть, как и у Лафонтена, так и у Крылова: лафонтеновской цикаде и крыловской стрекозе нет никакого резона запасаться пищей на зиму, потому что до зимы они не доживают. Но так как за этими насекомыми скрываются люди, то такой вымысел может быть допущен и прощен. Кроме того, совершенно ясно, что энтомологические цикада и стрекоза не равны цикаде и стрекозе литературным. Между тем все еще бытует мнение, что Крылов ошибся в переводе. При этом неизвестно, как ему надо было перевести название и содержание басни Лафонтена: то ли вместо Стрекозы ввести Цикаду, то ли Кузнечика. Но это была бы другая басня.

Критики упрекали Крылова в том, что он заменил экзотическую для русского читателя цикаду более привычной стрекозой. Действительно, цикада встречается в южных районах России, но слово «цикада» (*cicada*) было известно образованному населению России, которое изучало латынь, а Крылов, несомненно, не только знал французский язык, по свидетельству А.С. Пушкина, но и был осведомлен в латыни. Одни утверждали, что басня Крылова – это перевод (и даже воровство!) басни Лафонтена «Цикада и Муравей», что при переводе Крылов, вероятно, ошибся и слово «цигале» (цикада) перевел как «стрекоза». Однако, неправильно переведя название, он оставил выражения «попрыгунья-стрекоза» и «лето красное пропела», что к цикаде еще как-то подходит, а к стрекозе никак. Ведь стрекоза, мол, не прыгает и не поет. Другие отметили ту же биологическую неточность. Третьи весьма проницательно заметили, что стрекоза

у Крылова сохранила все признаки кузнечика («попрыгунья», «пела»). Четвертые великодушно согласились частично оправдать Крылова: хотя стрекоза прыгать не может, но она порхает, перелетая с места на место.

Однако образ попрыгуньи-стрекозы прочно вошел в сознание русского читателя. На основании смыслового параллелизма басен Крылова и Лафонтена возникло представление о параллелизме персонажей, и цикада, проводящая большую часть своей жизни, сидя на ветке дерева, стала ассоциироваться с попрыгуньей-стрекозой, непрерывно летающей в жаркие часы дня. С.С. Аверинцев полагает: «У Крылова, при всей сенсорной драстичности (энергичной, яркой, эффектной чувственности – В.К.) его анималистических образов, встречаются поразительные случаи пренебрежения уже первой (биологической; вторая – литературная. – В.К.) идентичностью. У Лафонтена пением занимается цикада, у Крылова – стрекоза. <...> Но только власть внушения, исходящая от гения Крылова, в соединении с восходящей к детским летам привычкой, заставляет нас без удивления проглатывать не только формулу “попрыгунья-стрекоза”, но и то, что она является в роли певички» [1]. Автор напоминает, что ко временам Крылова уже установилась русская традиция передачи *Cigale* как Стрекозы. Еще Сумароков со свойственной его эпохе небрежностью передал лафонтеновскую ситуацию словами: «В зимне время подаянья / Просит жалко стрекоза». А уже за ним пошли Хемницер и Нелединский-Мелецкий. К этому добавлено, что, согласно «Историко-этимологическому словарю» П.Я. Черных, слово «стрекоза» в русском языке зафиксировано с конца XVIII в. в значении

«кузнечик, саранча», и сообщено, что при полете стрекоза производит шум, напоминающий легкий глухой треск [19, с. 207–208].

Победа Крылова, несмотря на возражения его критиков, конечно, безусловна. И к тому есть как традиционно литературные, так и энтомологические основания. Крылов следовал установившейся в России поэтической традиции; не принадлежащие стрекозе свойства «прыгать» и «петь» присутствуют в русских оригинальных и переводных сочинениях, в том числе в баснях Сумарокова, Хемницера и Нелединского-Мелецкого. В общерусском литературном восприятии стрекоза предстает веселой и поющей, а муравей – трудолюбивым и деятельным. Но самое

интересное заключается в том, что и последующие авторы, несмотря на возражения энтомологов, продолжали писать о прыгающей и поющей стрекозе.

Итак, в басне И.А. Крылова отчетливо проявился «мужицкий» взгляд на народную нравственность, и это отличает баснописца от его собратьев-фабулистов. Выступая за справедливость между сословиями и внутри сословий, Крылов опирался на народную трудовую мораль и в духе ее полагал, что при взгляде на жизнь человека нельзя допускать ни иллюзий, ни сентиментальности. Подлинной гуманности, основанной на народном здравом смысле, по Крылову, вредят мечтательность, излишняя чувствительность, нерешительность.

Библиографический список

1. *Аверинцев С.С.* Связь времен. Киев, 2005.
2. Античная басня: сборник / пер. с греч. и латин. М. Гаспарова. М., 1991.
3. Басни Эзопа / пер., ст. и коммент. М.Л. Гаспарова. М., 1968.
4. *Баттё Ш.* Начальные правила словесности г. аббата Баттё, профессора королевского, Академии французской и Академии надписей и изящных наук / перевел с фр. и прибавлениями умножил Императорского Московского университета кандидат Дмитрий Облеухов: В 4 т. М., 1806–1807.
5. Библиотека литературы Древней Руси. Т. 16. СПб., 2010.
6. Библиографические и исторические примечания к басням Крылова / сост. В. Кеневич. СПб., 1878.
7. *Бунаков Н.Ф.* Басни Крылова как нравственно-педагогический материал // Филологические записки. Вып. 3. Воронеж, 1868.
8. *Васильев В.* Непревзойденный баснописец Лафонтен. URL: <http://17v-euro-lit.niv.ru/17v-euro-lit/articles/vasilev-lafonten.htm?ysclid=17npjr0mcr691699971> (дата обращения: 31.08.2022).
9. *Гак В.Г.* Литературные варианты и особенности национальной культуры (Лафонтен и Крылов) // Филологические науки. 1996. № 3. С. 54–63.
10. *Грот Я.К.* Сочинения и письма Хемницера по подлинным его рукописям с библиографической статьей и примечаниями. СПб., 1873.
11. *Лафонтен Ж.* Полное собрание басен: В 2 кн. СПб., 2009.
12. *Нелединский-Мелецкий Ю.А.* Стрекоза // Русская стихотворная басня XVIII–XIX веков. Л., 1977. С. 196.
13. *Озеров В.А.* Басни. М.; Augsburg, 2001.
14. *Платон.* Федр / пер. С.А. Жебелева. М., 1923.
15. *Сумароков А.П.* Стрекоза. URL: <https://facetia.ru/node/4955?ysclid=17n-q01r3bs590326516#II67> (дата обращения: 31.08.2022).
16. *Фабр Ж.* Жизнь насекомых. М.; Л., 1936.
17. *Хемницер И.И.* Стрекоза // Мастера русского стихотворного перевода. Кн. 1. Л., 1968. С. 96.

18. *Черный Саша*. Что кому нравится. М., 1993.
19. *Черных П.Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка. Т. II. М., 1999.

References

1. Averincev S.S. Svyaz vremen [Connection of times]. Kiev, 2005.
2. Antichnaya basnya [Antique fable]. Collection. M.L. Gasparov (transl. from Greek and Latin). Moscow, 1991.
3. Basni Ezopa [Aesop's fables]. M.L. Gasparov (transl., article and commentary). Moscow, 1968.
4. Battyo Sh. Nachalnye pravila slovesnosti g. abbata Battyo, professora korolevskago, Akademii frantsuzskoy i Akademii nadpisey i izyashchnykh nauk / perevel s frantsuzskogo i pribavleniyami umnozhil Imperatorskago Moskovskago universiteta kandidat Dmitriy Obলেখক [Les règles initiales de la littérature de l'abbé Boutet, professeur de l'Académie royale, de l'Académie française et de l'Académie des inscriptions et belles-lettres / traduit du français et des ajouts multipliés par le candidat de l'Université Impériale de Moscou Dmitry Obলেখক/Initial rules of literature]. Moscow, 1806–1807.
5. Biblioteka literatury Drevnej Rusi [Library of literature of Ancient Russia]. Vol. 16. St. Petersburg, 2010.
6. Bibliograficheskie i istoricheskie primechaniya k basnyam Krylova [Bibliographic and historical notes to Krylov's fables]. V. Kenevich (ed.). St. Petersburg, 1878.
7. Bunakov N.F. Krylov's fables as moral and pedagogical material. *Filologicheskie zapiski*. Issue 3. Voronezh, 1868. (In Rus.)
8. Vasilev V. Nprevzoydennyj basnopisec Lafonten [The unsurpassed fabulist Lafontaine]. URL: <http://17v-euro-lit.niv.ru/17v-euro-lit/articles/vasilev-lafonten.htm?ysclid=l7npjr0mcr691699971>
9. Gak V.G. Literary variants and features of national culture (Lafontaine and Krylov). *Filologicheskie nauki*. 1996. No. 3. Pp. 54–63. (In Rus.)
10. Grot Ya.K. Sochineniya i pis'ma Hemnicera po podlinnym ego rukopisyam s bibliograficheskoj statej i primechaniyami [Works and letters of Chemnitzer based on his original manuscripts with a bibliographic entry and notes]. St. Petersburg, 1873.
11. Lafontaine Zh. Polnoe sobranie basen: v 2 kn. [Complete collection of fables: in 2 books]. St. Petersburg, 2009.
12. Neledinsky-Melecky Yu.A. Dragonfly. *Russkaya stihotvornaya basnya XVIII–XIX vekov*. Leningrad, 1977. (In Rus.)
13. Ozerov V.A. Basni [Fables]. Moscow; Augsburg, 2001.
14. Platon. Fedr [Phaedrus]. S.A. Zhebelev (transl.). Moscow, 1923.
15. Sumarokov A.P. Strekoza [Dragonfly]. URL: <https://facetia.ru/node/4955?ysclid=l7n-q01r3bs590326516#II67>
16. Fabr Zh. Zhizn nasekomyh [Insect life]. Moscow; Leningrad, 1936.
17. Hemnicer I.I. Dragonfly. *Mastera russkogo stihotvornogo perevoda*. Book 1. Leningrad, 1968. P. 96. (In Rus.)
18. Cherny Sasha. Chto komu nravitsya [What does anyone like]. Moscow, 1993.
19. Chernyh P.Ya. Istoriko-etimologicheskij slovar sovremennogo russkogo yazyka [Historical and etymological dictionary of the modern Russian language]. Vol. II. Moscow, 1999.

Статья поступила в редакцию 25.08.2022, принята к публикации 15.09.2022
The article was received on 25.08.2022, accepted for publication 15.09.2022

Сведения об авторе / About the author

Коровин Валентин Иванович – доктор филологических наук, профессор; почетный профессор Московского педагогического государственного университета

Valentin I. Korovin – ScD in Philology, Full Professor; Honorary Professor at Moscow Pedagogical State University

E-mail: Vkorovin4@gmail.com